
СУФИЙСКИЕ ОБРАЗЫ И МОТИВЫ В НОВЕЙШЕЙ ЛАКСКОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Х.И. Ильясов

Дагестанское региональное отделение «Федерации Мира и Согласия»
ул. Мира, 7, Каспийск, Республика Дагестан, 368305

В данной статье автор рассматривает суфийские образы и мотивы в новейшей лакской русскоязычной литературе. В качестве примера автор анализирует произведения Ибрагима Чаящинского, Космины Исрапиловой, Сулеймана Мусаева.

Присутствие в поэзии этих авторов суфийской символики означает, что в ней наличествует суфийская тематика.

Ключевые слова: Ханака — дом, место рождения суфиев; Рибат — мавзолей, укрепление; Зиярат — часовня святого; Зикри — поминание имени Аллаха.

Своеобразным явлением лакской литературы рубежа XX—XXI веков является то, что в ней появилась целая плеяда русскоязычных поэтов, что нельзя сказать о предыдущем периоде развития этой литературы.

Говоря о лакской мистической литературе, нельзя обойти такого яркого, самобытного поэта, писателя, публициста, как Ибрагим Чаящинский [1].

В стихотворении «Я умираю в тебе» автор пишет:

Я умираю в тебе,
Как в осени — день,
Как в озере — тень,
Как осень — в зиме.

Жизнь и Смерть, Добро и Зло, Свет и Тьма — излюбленные суфийские темы. Но Ибрагим Чаящинский сумел по-своему преломить их. По сути дела, он пишет о процессе «фана» (1), только иными, присущими лишь ему выразительными средствами:

Я умираю в тебе
Птицей в гнезде,
Спицей в мотке,
Ситцем в огне.

От этих сравнений воздействие все более увеличивается, экспрессия нарастает:

Я умираю в тебе,
Сниться трава,
Стиснув глаза,
Слиться бы с ней.

«Слиться бы с ней» означает процесс «фана», растворение, исчезновение низшего в Высшем, несовершенного в Совершенном, Универсальном.

В стихотворении «Чужой» автор пишет:

Боже!
Как холодно мне!
Как зябко душе одинокой
Выискивать в черной пустыне-дыре
Надеждой растопленной
Мрак,
Люди, как духи,
Витают
Вокруг.
Каждый в заботах
И спеси,
Я же — чужой.

«Чужой», «одинокий» ассоциативно вызывают в памяти тему двойников, весьма распространенную в литературе и искусстве. Близнецы и двуликие Янусы «шествоуют» гордо по всей мировой литературе и культуре (искусстве, живописи, пластике, скульптуре, архитектуре и т.д.). Отдали дань теме двойников и представители русской интеллигенции. Так, это «Двойник» Ф.М. Достоевского, «Портрет» и «Нос» Н.В. Гоголя, «Маскарад» М.Ю. Лермонтова, «Черный человек» С.А. Есенина и многие другие. Отчужденность человека и общества, их резкое неприятие друг друга, порой переходящее в антагонизм, переданы в образах Раскольникова (сама фамилия содержит двойственность, «расколотость»), Смердякова, Собакевичей, Хлестаковых и т.д.

Особое место в лакской суфийской лирике занимает творчество русскоязычной поэтессы Космины Исрапиловой [2]:

«И сказал Соломон»
И сказал Соломон: «Повторяется все под луной...
Повторимся с тобою и мы, о моя Суламифь».
Вот причина того, что твой образ сегодня со мной
И Любовь извлекла нас из Вечности. Это не миф.
И сказал Соломон: «Все проходит в душе человека,
Останется нетронутой временем только Любовь».
Вот причина того, что бессилен единственный Лекарь.
И к тебе, словно приступы, вновь возвращаюсь и вновь.

Прекрасная библейская история любви Пророка Соломона и Суламифи перенесена на судьбу лирической героини, и от этого древний царь и его возлюбленная словно вновь оживают. Их любовь неподвластна времени. Но это не просто красивая история, а нравоучение:

Виноградище бедной не место в придворном кругу.
Зависть, ревность преследуют юности искренний пыл.
Вот причина того, что к тебе подойти не могу,
А лишь робко люблюсь порою тобой из толпы.
Виноградище бедной за счастье расплатою смерть.
И не знаешь, откуда, где ждать этой жизни конца.
Вот причина того, что хочу ненасытно смотреть.

В этой притче главный код зашифрован в словах «хочу ненасытно смотреть».

В суфизме различают даража (2) и макамы (3) или уровни духовного возвышения путника. В степени валайя — степени святости — праведники лицезреют нур (свет) Аллаха. Это есть высшая степень в раю, т.е. превосходная, возвышенная степень. Чтобы подчеркнуть именно эти ключевые слова поэта приводит библейскую притчу о любви царя и Соломона.

Современная героиня «переносит» образ возвышенной любви на свою судьбу, тем самым придавая недвусмысленную аналогичность ситуации.

Космина И سراпилова хочет сказать, что обыденная, земная любовь может возвыситься до неземной, мистической, небесной любви.

И только в такой любви она находит утешение и счастье. Ведь пророк Соломон учил той мудрости, что душевный лад и покой (равновесие, счастье) обретается в любви к Господу.

Примечательным явлением лакской литературе является поэтическое творчество Сулеймана Ахмедовича Мусаева [3]. Его стихи необычны, неповторимы. Во многом они тяготеют к средневековой восточной суфийской поэзии. На него оказало большое плодотворное влияние творчество Фирдоуси, Низами, Саади, Ибн Кузмана, Ибн Хафадиса, Ибн Зайдуна, которых он «обильно» перевел на родной язык. С одной стороны, Сулейман Мусаев впитал всю прелесть лакского фольклорного жанра «шанма», с другой — испытал воздействие корифеев восточной суфийской лирики.

Сулейман Мусаев не простой подражатель, а самобытный поэт, со своим ярко выраженным характером. Его энергичность, экспрессия, жизнелюбие, оптимизм, пафос словно передались стихам. Произведения Сулеймана Мусаева лаконичны, точны, «бьют прямо в цель»! К темам он приступает сразу, без лишних оговорок, длиннот, ненужных формальностей. Он сразу схватывает главное. Мысль он передает читателям в краткой, предельно ясной форме.

Мы можем утверждать, что в произведениях Сулеймана Мусаева восточные символы и мотивы творчески переработаны. Произошел некий симбиоз горской фольклорной традиции шанма и восточной поэзии. Наша задача — выявить в его творчестве эти мотивы и символы и попытаться расшифровать их, ибо за каждым символом «стоит» ассоциативный метафорический ряд. А наличие такого ряда в творчестве нашего автора бесспорно. Итак, рассмотрим некоторые из его произведений, характерные всему творчеству, чтобы составить себе представление.

В стихотворении «Твои руки» поэт пишет:

Не обеднею я, оттого что нет у меня золота,
Зато в ладонях моих твои хрупкие руки,
(О боже! Как они прекрасны),
Твои нежные руки — крылья моей мечты!

В данном стихотворении ключевое слово «руки». «Рука» в нашем подсознании ассоциируется с благополучием, благосостоянием, работой, силой, могуществом. Это слово вызывает в памяти такой ассоциативный ряд символов: Радуга За-

вета, Ковчег Завета, Мост Сират, Трон, Корона, Венок, Скипетр, Чаша Джамшида, Святой Грааль, Рог Изобилия, Завеса, Скиния, Барзах (Срединный Мир), Полумесяц и Звезда, Щит Давида, Звезда Давида, Сансара, Кольцо Мироздания, Крылья Пегаса, Крылатые Ангелы, Бурак, Буцифал, Дурпал, Грифоны, Сирина, Феникс, Гамаюн и т.д.

В более отдаленном варианте «рука» напоминает собой ветвь дерева, т.е. «взывает к жизни» Древо Мироздания, Древо познания Добра и Зла.

В другом стихотворении под названием «Роза» поэт пишет:

От Солнца, которое насмехается надо мной,
Рябит в моих глазах,
«Ты желаешь любви Розы? — вопрошает Светило, —
Так получи ее вместе с шипами!»

Роза — древний мистический символ многих народов. Этот символ «присутствует» в мифологиях, преданиях и легендах чуть ли не всех народов мира, выступая в различных видах и ипостасях. Так, Роза — это символ Любви, Счастья, Благоденствия.

В эзотерической традиции известны ордена «Розы и Креста», «Розенкрейцеры», «Рыцари Круглого Стола». Розу масонская и суфийская традиция отождествляет с Вселенской Любовью, Равенством, Благополучием. Розу принято также считать прообразом Сердца, где царит Гармония, Совершенство и Красота. В некотором смысле Роза вызывает в памяти образы Чаши Джамшида и Святого Грааля, а также Эликсира Молодости, напитка Сен-Жермена, Философского камня, камня Сапфирь и камня Чинтомани. В религиозной эзотерике христианства Святой Грааль олицетворяет с Лоном Богоматери, т.е. связывают с нисбом-родословной, геральдическим Древом.

Таким образом, снова в творчестве Сулеймана Мусаева мы обнаруживаем глубоко «законспирированную» связь с древними мистическими традициями.

В одном из своих творений (приводимые произведения взяты из книги «Осенние маки» С.А. Мусаева, 2001 год, Дагестанское книжное издательство) поэт пишет:

Кто влюбляется по молодости,
Тому подавай подснежники,
Кто же влюбился в зрелом возрасте,
По сердцу прекрасные Розы!

В более широком смысле слова Роза есть Зеркало, Отражение, ибо представляет собой Совершенный образец Красоты, Гармонии, лишенной всякого изъяна. Вот почему король Артур выбрал ее символом Рыцарей Круглого Стола.

В суфийской и масонской традиции Роза и Грааль идентифицированы и отождествлены.

Грааль считают Кубком, из которого пили в ночь Причастия. В обряде Евхаристии Святой Грааль назван Чашей. В масонской традиции — это Персивал.

Под капаящую, стекающую из ран Спасителя кровь Иосиф Арифомейский подставил Чашу. После Чаша эта стала светоносной, благословенной. При виде ее слепые становились зрячими, больные исцелялись. В чаше этой никогда не кончалась еда. На бытовом уровне чаша — простая миска. В метафорическом смысле она олицетворяет генеалогическое Древо, родословную Иисуса... Грааль — это сверхчувственное переживание, гностическое озарение. «Грааль» переводится как «царская кровь». Вспомним, что Иисуса Христа называли Царем Иудейским. Возможно, что в те далекие времена это выражение не носило столь ироничный оттенок...

В одном из восьмистиший поэт пишет:

Почему раскрывается бутон розы,
Ведь знает, что засохнет от зноя летнего,
Он знает, что воскреснет снова и снова,
В отличие от нас, которые уйдем навсегда.

В этом стихотворении главным является слово «воскреснет».

Масонские братства Розы и Креста, Розенкрейцеров «культивировали» идеи Духовного Возрождения, Воскресения, Преображения.

При чтении восьмистишия все это поневоле приходит на ум.

Преображение, Воскресение связано с календарными обрядовыми празднествами, мистериальными действиями древних народов. Возможно, что первоначально Грааль был атрибутом культа Богини Плодородия. На Ближнем Востоке были широко распространены культы Таммуза, Аттиса, Адониса или Осириса. На смерть, возрождение и возобновление указывает скандинавская и галльская мифология.

Идея Грааля — Круговорот, Цикличность, Повторяемость, Исход и Возвращение. Возможно, что совершенная круглая форма Розы и Грааля олицетворяют Мир Горний и Град Небесный, в которых отразились масонские идеи построения совершенного общества, мира благоденствия, равенства и справедливости.

Стихи Сулеймана Ахмедовича Мусаева заставляют задумываться над непростыми вопросами бытия, выраженными им так искусно в иносказательной, аллегорической форме.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Фана — экстатическое состояние растворения в Абсолюте, полного исчезновения личного Я.
- (2) Даража — степень, духовный уровень.
- (3) Макам — стоянка на пути духовного совершенства. Различают стоянку Раскаяния, Очищения, Упования, Тоски, Разлуки и т.д. — более 100 стоянок!

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Чаяцкий И.* «Я думал это ветер». — М.: Асмо-пресс, 2005.
- [2] *Исраилова К.* Крик орлицы. — Махачкала: Дагкнигоиздат, 2004.
- [3] *Мусаев С.* Осенние маки. — Махачкала: Дагкнигоиздат, 2001.

SUFI IMAGES AND MOTIVES IN HIGH LAK RUSSIAN LITERATURE

Kh.I. Ilyasov

Dagestan regional branch of the “Federation of Peace and Harmony”

Peace str., 7, Caspian, Republic of Dagestan, 368305

Article discloses the presence of Sufi images and motives in the latest poetry of Lacks. As the example the works of three authors have been analyzed: Ibraghim Chayatshinsky, Kosmina Israpilova and Su-leiman Musaev.

Thus, the “fana” founded in Ibraghim Chayatshinsky’s poetry means the presence of the Sufi theme there. “Fana” is a specific psychophysical state imitating death. And there’s a vast territory for fantasy: Life and Death, Good and Evil, the meaning of Existence, Moral Code, Purification, Repentance, Awakening, etc.

Key words: Khanaka — a birthplace of the Sufi, Ribat — mausoleum, fortification, Ziyarat — a saint’s chapel, Zikry — remembering of Allah’s names.